

Ованес Туманян

Сказки

Кувшин с золотом

Слышать это мне довелось от наших стариков; старики слышали это от дедов; деды — от своих стариков, что некогда жил-был пахарь, а имел он всего-навсего клочок земли да пару волов.

И вдруг зимой у этого бедного землепашца издыхают волы. Когда же наступила весна и пришло время пахать и сеять, он, оставшись без волов, сдал землю внаймы соседу.

А у соседа, когда он начал пахать, плуг наткнулся на что-то; пахарь смотрит и видит — кувшин, полный золота. Бросив и плуг и волов, он бегом пускается к хозяину.

— Э-ге, свет глазам твоим! В земле у тебя отыскался большой кувшин с золотом, иди забирай его!

— Нет, братец, это золото не мое. Ты заплатил за наем, ты землю пашешь и все, что в земле — твое. Золото нашел, все равно оно твое — бери!

Загорелся спор. Один твердит — золото твое, другой — нет, твое. Началась потасовка. Пошли с жалобой к царю.

Царь, услышав о кувшине с золотом, разинул рот:

— Зачем вам спорить? Кувшин с золотом добыт из моей земли — значит мой!

И царь со свитой спешит туда, где был зарыт кувшин. Там он велел открыть его и ахнул: кувшин полон змей!

Взбешенный царь возвратился к себе и повелел наказать дерзких землеробов, посмевавших обмануть его.

— Нет, нет, отец наш, — завопили несчастные, — зря ты хочешь погубить нас, в кувшине чистое золото и никаких змей!..

Царь посылает своих людей проверить. Те пришли и видят: кувшин полон золота.

— Вот те на! — удивился царь, а про себя подумал: «Да, может быть, я не разглядел как следует или это другой кувшин?»

И снова идет к месту, где найден кувшин.

Открывает — в нем кишмя кишат змеи.

Что за чудо!

И царь приказал собрать всех своих мудрецов.

— Растолкуйте, мудрецы, что это такое? Вот эти пахари нашли в земле кувшин золота. Иду я туда — в кувшине змеи; идут они — полон золота.

— Не прогневайся, государь, на наши слова. Дело в том, что этот кувшин, полный золота, дарован бедным землепашцам за их трудолюбие и честность. Когда идут они — находят золото, это плата им за праведный труд. А когда идешь ты, хочешь похитить чужую долю — вместо золота находишь змей.

Царь содрогнулся и не знал, что ответить.

— Хорошо, — молвил он, — а теперь решите: кому из них двоих должно достаться золото?

— Конечно, владельцу земли! — воскликнул наемщик.

— Нет, тому кто пахал! — возразил хозяин.

И началась опять перебранка.

— Ладно, ладно, постойте, — вмешались мудрецы. — Есть у вас дети — сын или дочь?

Оказалось, что у одного — сын, у другого — дочь.

И мудрецы решают: обвенчать молодых и кувшин с золотом отдать им.

Родители согласны, все довольны, ссора кончается и начинается свадьба.

Длилась она, эта свадьба, семь дней и семь ночей.

Золото — новобрачным, а змеи — царю.

Смерть Кикоса

Жили-были бедняк с женой, и было у них три дочери.

Однажды отцу во время работы захотелось пить, и послал он старшую дочь за водой. Девушка взяла кувшин и пошла к роднику. Над родником стояло высокое дерево. Взглянула она на дерево и на чала размышлять: «Вот выйду я замуж, родится у меня сынок, назовем его Кикосом. Полезет Кикос на это самое дерево, сорвется, головой о камень ударится и умрет...»

— Ой, Кикос-джан, ой!

Уселась она тут же, под деревом, и ну причитать:

Вышла я замуж,

Родила я сына

С шапкою волос,

По имени Кикос.

Полез он на дерево,

Сорвался с дерева,

Ой, Кикос-джан!

Ой, сынок-джан!..

Мать ждет не дождется дочь, посылает за ней среднюю.

— Сбегай, — говорит, — узнай, почему опоздала твоя сестра.

Побежала средняя.

Старшая, завидя ее издали, еще пуще начала голосить:

— Иди сюда, несчастная тетушка, полюбуйся, что стало с твоим Кикосом!

— С каким Кикосом?

— Неужто не знаешь?

Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкою волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева,
Ой, Кикос-джан!
Ой, сынок-джан!..

— Ой, Кикос-джан, ой!.. — заголосила средняя. Уселась рядом со старшей, и запричитали они в два голоса.

Мать ждет, ждет, видит, не возвращаются дочери, посылает младшую.

— Ступай, — говорит, — дочка, погляди, что случилось с твоими сестрицами. Пошла младшая. Идет она и видит: сестры сидят у родника и заливаются слезами.

— Что же это вы плачете?

Тут старшая:

— Неужто не знаешь?

Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкою волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева,
Ой, Кикос-джан!
Ой, сынок-джан!..

— Ой, беда твоей тетушке, Кикос-джан, ой! — рвет на себе волосы младшая, подсаживается к сестрам и начинает реветь.

Мать ждет, ждет, а дочерей все нет. И отправилась она сама. Завидя издали мать, все три девушки подняли жалобный вой:

— Иди, иди, несчастная бабушка, погляди, что стало с твоим внучком!

— Какой внучек, дочки, что случилось?

Тут старшая:

— Неужто не знаешь, мать?

Вышла я замуж,

Родила я сына

С шапкою волос,

По имени Кикос.

Полез он на дерево,

Сорвался с дерева,

Ой, Кикос-джан!

Ой, сынок-джан!..

— Лучше бы ослепнуть твоей бабушке, Кикос-джан! — шлепнула по бедрам мать и вместе с дочерьми заголосила навзрыд.

Отец видит, что жена пошла за дочерьми и тоже не вернулась.

— Пойду-ка, — говорит, — сам посмотрю, что с ними случилось.

И отправился.

Жена и дочери, как завидели его издали, еще пуще заголосили:

— Иди скорей, несчастный дедушка, посмотри, что стало с твоим Кикосом!..

Горемыка твой Кикос!..

— Что за Кикос такой? — удивляется бедняк. Тут старшая:

— Неужто не знаешь, отец?

Вышла я замуж,

Родила я сына

С шапкою волос,

По имени Кикос.

Полез он на дерево,

Сорвался с дерева,
Ой, Кикос-джан!
Ой, сынок-джан!..

— Ой, Кикос-джан, ой! — сокрушаются и шлепают себя по бедрам мать и дочери.

Бедняк оказался умнее женщин.

— Эй, дурехи! — говорит, — чего вы сидите тут да сокрушаетесь? Как ни причитай, сколько ни плачь, все равно Кикоса не воротишь. Вставайте да и домой: позовем соседей, отслужим панихиду и справим поминки. Слезами горю не поможешь. Уж такова наша жизнь: как пришли, так и уйдем.

И что бы вы думали? Все их добро состояло из вола да мешка с мукой. Закололи они вола, напекли хлеба, созвали соседей, заказали панихиду — и на том успокоились.

Царь Чахчах

Жил-был бедный мельник.

Однажды идет этот мельник на мельницу закрыть воду, возвращается и видит — пропал у него кусок сухого сыра.

Спустя день, идет он опять на мельницу, возвращается, видит — пропал у него кусок пресного хлеба.

Как ему найти вора? Думает мельник, думает и ставит на пороге мельницы капкан. Утром встает, а в капкане лисица.

— Эх, погоди, проклятая, разделаюсь я с тобой, — говорит мельник и берет лом.

— Не убивай меня, — просит лисица, — ну что такое кусок сыру. Отпусти меня, я тебе много добра сделаю.

Мельник послушался и отпустил лисицу. Лисица бежит, роется в мусоре и находит золотой. Идет к царю.

— Да продлится твоя жизнь, дай мне меру. У царя Чахчаха есть малая толика золота, смерим его — принесу обратно.

— Кто это Чахчах?

— Это очень богатый царь, а я его визирь, — отвечает лисица. — Одолжи меру. После узнаешь.

Берет меру, сует в щель золотой и вечером приносит меру обратно.

— Ох, — говорит, — мерила, мерила, из сил выбилась.

«Неужели правда, что этой мерой они золото мерили», — думает царь.

Встряхивает меру, — звеня, выпадает золотой.

На следующий день лисица снова приходит к царю.

— У царя Чахчаха есть малая толика драгоценных камней и жемчугов. Одолжите вашу меру, смерим, вернем.

Берет и уходит. Находит одну жемчужину. Сует ее в щель и вечером возвращает меру.

— Ох, — говорит, — мерила, мерила, — из сил выбилась.

Царь встряхивает меру, выпадает жемчужина. Удивляется: и богат же царь Чахчах — золото, драгоценности и жемчуг мерит такой мерой.

Проходит несколько дней. Вот однажды лисица приходит к царю свататься. Мол, царь Чахчах хочет твою дочку в жены взять.

Царь радуется, не нарадуется.

— Ну, идите, — говорит, — торопитесь, готовьте свадьбу.

Во дворце царя суется, готовятся к свадьбе, а лисица бежит к мельнику.

Сообщает мельнику добрую весть: мол, дочку царя тебе в жены сосватала. Готовься, поедem свадьбу справлять.

— Ай, что ты натворила, лисица, пусть рухнет твой кров. Зачем мне дочка царя? Бедняк я, тело даже нечем прикрыть... Что мне теперь делать?..

— Не бойся, ложись на меня, — успокаивает лисица мельника и бежит обратно к царю.

— Царь Чахчах с большой свитой ехал венчаться. По дороге на него напало вражье войско, перебили всех его людей, унесли все добро. Сам он едва спасся, укрылся в мельнице. Скорее пошлите ему одежду, чтоб мог приехать, обвенчаться, а потом отомстить врагу.

Царь тут же дает лисице царские одежды и посылает множество всадников, чтобы с почестями доставить зятя во дворец.

Процессия останавливается перед домом мельника. Лисица наряжает мельника в царские одежды, сажает на коня. Торжественно, в сопровождении всадников, привозят мельника в царский дворец. Бедный мельник только диву дается.

Садятся за стол. Приносят различные блюда. Мельник не знает за что взяться и как есть.

— Почему он не ест, лисица? — спрашивает царь.

— Все думает о том, как его ограбили, сколько добра у него забрали. Как ему перенести такой позор! — вздыхает лисица.

— Ничего, не горюй, дорогой зять, — просит царь. — Сейчас надо радоваться, пировать.

И пируют, едят, пьют, играют, танцуют. Семь дней, семь ночей справляют свадьбу. Лисица становится кумой.

После свадьбы царь дает дочке богатое приданое и торжественно провожает ее в страну царя Чахчаха.

— Пойдите, я отправлюсь вперед, все приготовлю, а вы езжайте следом за мной, — говорит кума-лиса и пускается бегом.

Бежит, бежит, видит — в поле пасется большое стадо.

— Чье это стадо?

Отвечают:

— Шах-Мара.

— Эй, вы! Не вздумайте называть его имя, царь на него очень сердит, идет вслед за мной с большим войском. Кто назовет Шах-Мара, тому царь прикажет голову отрубить. Если спросят, чье стадо, скажите — царя Чахчаха. А не то — горе вам!

Бежит дальше, бежит, видит — на горе видимо-невидимо баранов.

— Чьи бараны?

— Шах-Мара.

Лисица слово в слово повторяет свою угрозу пастухам. Бежит дальше, бежит, видит — обширные нивы. Жнецы жнут.

— Чьи это нивы?!

— Шах-Мара.

Жнецам наказывает то же самое. Бежит дальше, бежит, видит — луга.

— Чьи луга?

— Шах-Мара.

То же самое говорит косарям. Прибегает ко дворцу Шах-Мара.

— Шах-Мар, эй, Шах-Мар, — видишь, пыль облаком стоит? То царь идет с большим войском. Он разграбит твои владения, заберет имущество и казну и убьет тебя. Когда-то я съела у тебя курочку и до сих пор помню твою доброту. Прибежала предупредить тебя. Спасай свою голову, пока не поздно.

— Что мне делать, куда деваться? — в ужасе заметался Шах-Мар. — И правда, облако пыли стоит.

— Поздно уже бежать, скорей влезай в этот стог, спасайся...

Шах-Мар лезет в стог.

А в это время приближается свадебная процессия с барабанным боем, зурной, песнями, в сопровождении войска. Царь Чахчах и его жена едут в золоченой карете, спереди и сзади — бесчисленные всадники.

Доехали до поля. Видят — пасется большое стадо.

— Чье это стадо? — спрашивают всадники.

— Царя Чахчаха, — отвечают пастухи.

Едут дальше. Подъезжают к горам. Видят — на горах видимо-невидимо белых баранов.

— Это чьи стада? — спрашивают всадники.

— Царя Чахчаха, — отвечают пастухи.

Едут дальше. Видят — обширные нивы.

— Чьи это нивы?

— Царя Чахчаха.

Все в изумлении. Сам Чахчах от удивления не может слова вы молвить.

Едут, едут, добираются до дворца Шах-Мара. Кума-лиса принимает гостей.

Пируют семь дней и семь ночей. После этого гости возвращаются домой.

Царь Чахчах, его жена и кума-лиса остаются жить во дворце Шах-Мара.

А перепуганный Шах-Мар и по сей день, говорят, спасается бегством.

Лгун

Жил-был царь.

Однажды этот царь объявил по всей стране:

«Кто придет ко мне и расскажет небылицу и в ответ услышит „неправда“ — тому отдам полцарства».

Является к царю пастух:

— Жить тебе, царь, долго, — говорит, — а знаешь ли ты — у моего отца дубинка была, отсюда до самого неба доставала, отец ею звезды в небе перемешивал.

— Возможно, — отвечал царь. — У моего деда был чубук — дед один конец ко рту подносил, другим от солнца прикуривал.

Пастух, почесывая голову, уходит ни с чем.

Является портной.

— Извини, — говорит портной с порога, — извини, царь, я раньше должен был прийти. Вчера большой дождь был, молнией небо разорвало, я штопать ходил.

— Хорошим делом был занят, — отвечает царь. — Да заштопал плохо — утром снова моросило.

Уходит ни с чем и портной.

Является бедняк — с мерой под мышкой.

— А тебе что здесь понадобилось? — спрашивает царь.

— Ты мне меру золота должен.

— Меру золота? — изумляется царь. — Неправда!

— Неправда? Отдавай полцарства.

— Правда, правда, правда! — испугался царь.

— Правда? Меру золота отсыпай!

У кейфующего кейфа не убудет

1

Когда-то в городе Багдаде сидел халиф Гарун-Аль-Рашид. Этот Гарун-Аль-Рашид имел обычай переодетым гулять по городу, чтобы выведывать таким образом, что происходит в столице. Как-то ночью, когда, переодевшись дервишем, он шел глухой улицей, до него внезапно донеслись музыка и звуки песни. Остановился халиф и, после долгого раздумья, решил из любопытства войти в домик. Войдя, он увидел голые стены; на коврике перед огнем за скудным ужином — хозяин и музыканты; все они поют, играют и веселятся.

— Мир вам, о, веселые люди! — с низким поклоном приветствует дервиш.

— Добро пожаловать, дервиш-баба, милости просим откусать с нами хлеба и соли, повеселимся вместе, — пригласил его хозяин.

И, усадив дервиша рядом, продолжает кейфовать.

Настала ночь, и хозяин расплатился с музыкантами. По их уходе дервиш спросил хозяина:

— Как тебя зовут, приятель?

— Гасан.

— Не в обиду будь сказано, братец Гасан, чем ты занимаешься, сколько зарабатываешь, что так беззаботно кейфуя коротаешь время?

— Чтобы кейфовать, не надо много денег, дервиш-баба, — ответил хозяин. —

И на самый маленький доход можно жить без печали. Я — лапотник, шью и чиню лапти; доход у меня не больно велик. Одну половину я трачу вечером на еду, на другую нанимаю вот этих самых музыкантов. И в радости пробегают мои дни. А когда мне бог пошлет такого доброго гостя, как ты, мне делается еще радостней.

— Да продлится надолго радость твоя, братец Гасан, но если вдруг эта ненадежная радость тебе изменит, что ты будешь делать тогда?

— Зачем она мне изменит, дервиш-баба?

— Да вот, сказать к примеру, вдруг халифу придет на ум приказать: чтобы не было лапотников в Багдаде!

— Вот еще! Разве нет у халифа другого дела? Да чем провинились лапотники перед халифом? А коли что-нибудь такое случится, тогда и подумаем. Теперь же, дервиш-баба, пора на боковую, бог не без милости: у кейфующего кейфа не убудет. Уж таковы все мирские дела — как ты примешься за них, так они и пойдут.

— Ладно, дай бог, чтобы так было, — молвил дервиш, и оба легли.

2

Рано утром дервиш удалился. Вскорости придворные вестники обежали улицы и площади, возглашая:

— Халиф приказал всем лапотникам закрыть свои лавки, а кто посмеет заниматься лапотным ремеслом, с того голову долой!

У бедного Гасана вырывают шило; осыпая его ударами, выгоняют из убогой лавчонки и запирают дверь.

Ночью Гарун-Аль-Рашид, переодевшись дервишем, опять пускается бродить по Багдаду. Из лачуги весельчака Гасана ему слышатся музыка и пение. Он входит.

— Добро пожаловать, дервиш-баба! Садись, тебе место готово!

Дервиш уселся; все начинают петь и веселиться до поздней ночи.

В полночь музыканты, получив плату, уходят. Хозяин и гость остаются вдвоем.

— Слыхал, что случилось, дервиш-баба?

— А что такое?

— Все, что ты напроорочил вчера, сегодня сбылось: вышел приказ халифа о запрещении лапотникам работать...

— Не может быть! — удивился гость. — Откуда же ты взял денег для нынешнего кейфа?

— Я отыскал глиняный кувшин и вот теперь продаю воду. Что заработаю за день — половина идет на прожиток, а остальное на музыкантов; так я и продолжаю кейфовать.

— Но ежели халиф и воду продавать не позволит, тогда что делать будешь?

— Ведь я продажей воды халифу убытка не причиняю, за что же не позволять? Да и стоит ли думать об этом? Вот когда запретит, тогда и подумаю. Не бойся, братец, кусок хлеба я всегда добуду, да и уголок для кейфа всегда найдется.

— Пусть вечно осеняет радость твой очаг, Гасан! — промолвил дервиш, удаляясь.

3

Чуть свет весь Багдад содрогнулся от крика придворных вестников:

— Халиф Гарун-Аль-Рашид повелевает: «Вода есть дар божий и с нынешнего дня никто да не осмелится продавать ее за деньги. Повелеваю разорвать у торговцев бурдюки и перебить кувшины!»

Разбили кувшин и у бедного Гасана; с пустыми руками плетется он домой.

На третью ночь халиф, одетый дервишем, опять, обходит город. Опять приближается к жилищу веселого Гасана и слышит музыку, звуки песен. Он входит.

— О-о, дервиш-баба, честь тебе и место, садись поближе, день продолжим, вечер скоротаем! Будем веселиться, дервиш-баба: лучше веселье, чем грусть.

— Что и говорить, веселье куда лучше. Смерти все равно никому не миновать, кто может — пусть веселится! — восклицает дервиш, подсаживаясь к хозяину.

В полночь музыканты получают плату и уходят. Остаются дервиш и хозяин.

— Братец Гасан, что это я слышал сегодня! Будто халиф запретил торговать водой — да правда ли это?

— Как же, сущая правда, у всех продавцов переколотили кувшины. Ты, братец, настоящий пророк: что ни скажешь — все сразу сбывается.

— А на какие же деньги ты так кейфуешь?

— О, если б у человека кроме денег не было никакой нужды! Добыть денег нетрудно, братец дервиш. Поступил я работником к хозяину. Из того, что зарабатываю за день — половину проедаю, а прочее музыкантам отдаю. Главное в человеке сердце, дервиш-баба.

— Жизнью клянусь — ты с таким сердцем достоин быть при дворе! — воскликнул дервиш.

— Ой, дервиш-баба, все слова твои сбываются, неужели и эти сбудутся?

— А почему бы и нет? На свете все возможно, — ответил дервиш, и они расстались.

4

С восходом Солнца придворные вестники уже теснились у порога Гасана.

— Здесь ли Гасан, что любит кейф?

— Вот я.

— По приказу халифа следуй за нами!

Гасана привели во дворец и объявили, что халиф, велит ему служить во дворце. Гасана роскошно одели, прицепили к поясу саблю и поставили у входа во дворец. Целый день Гасан простоял без дела, а как стемнело, с пустыми руками отправили его домой; иди, мол, придешь завтра, станешь на то же место.

Ночью Гарун-Аль-Рашид опять бродит по Багдаду.

Вот он у лачуги Гасана. О, чудо! Опять музыка, песни. Халиф вошел.

— Дервиш, дервиш, сюда, важная новость. Твои вчерашние слова сбылись, халиф взял меня во дворец и дал мне должность.

— Что ты говоришь!

— Аллах свидетель.

— Видно и денег немало дал.

— Ни гроша!

— Откуда же взялись у тебя деньги на кутеж?

— Садись, расскажу. Привесили мне сбоку саблю. Вечером иду домой, а сам думаю: ведь не людей же мне саблей убивать. Так вот, продал я клинок вместо

него вставил деревянный. На деньги, что я получил за клинок, вот и кейфую. Неужели я дурно поступил, дервиш-баба? Лучше иметь при себе радость, чем саблю, что разит людей.

— Ха-ха-ха! — захохотал дервиш. — Положим, поступил ты не плохо. Ну, а ежели завтра царь да велит тебе этой саблей кому-нибудь голову отсечь?

— Удержи свой язык, зловещий дервиш! — рассердился Гасан. — Как на грех все твои слова сбываются. Не можешь разве что-нибудь хорошее сказать?

Взгрустнулось Гасану. Сердце у него щемило страхом, всю ночь он проворочался без сна.

Так оно и вышло. На другой день халиф вызвал Гасана и на глазах всех придворных торжественно приказал:

— Обнажи саблю и отсеки этому преступнику голову!

— Живи вовек, великий халиф, — пролепетал объятый ужасом Гасан, — во всю жизнь я ни на кого руки не поднимал — не могу. Поручи это дело кому-нибудь другому...

— Я поручаю это тебе, — рявкнул разгневанный халиф, — если хоть минуту промедлишь — голова твоя слетит с плеч! Вынимай саблю!..

При этих словах Гасан подошел к осужденному, поднял руки к небу и провозгласил:

— Аллах, ты ведаешь, кто прав, кто виноват. Ежели этот человек согрешил, дай мне сил одним ударом отсечь ему голову, а нет — пусть сабельный клинок из стального станет деревянным...

И он выхватил саблю... Дерево! Придворные диву дались при этом чуде.

Тут халиф Гарун-Аль-Рашид с громким смехом открыл тайну своим сановникам. Те пришли в восторг и осыпали похвалами как халифа, так и кейфующего Гасана. Засмеялся даже несчастный преступник, на коленях ожидавший, вытянув шею, рокового удара.

Гарун-Аль-Рашид даровал ему жизнь, потом подозвал Гасана, объявил его своим вернейшим подданным и даровал высокий сан, чтобы он, не нуждаясь ни в чем; жил по-прежнему весело и других учил весело жить на свете.

Барэкендан¹

Жили-были на свете муж да жена. Жили они не в ладу, не по душе были друг другу.

Муж жену честил дурехой, жена его обзывала дурнем, и не прекращалась у них свара.

Как-то купил муж на рынке несколько пудов масла и риса, нанял носильщика и доставил домой.

Обозлилась жена на него:

— Небось не веришь, когда тебя дурнем называю, а вот подумай, к чему нам столько масла да рису? Ты что, поминки по отцу справлять собираешься или же свадьбу сына играть?

— Слушай, жена, — о каких поминках, о какой свадьбе ты болтаешь?! Возьми да побереги — я это купил для Барэкендана.

Успокоилась жена, унесла припасы в чулан.

Время идет. Жена ждет, ждет, а Барэкендан все не приходит. Сидит она однажды перед дверью и видит: шагает по улице человек, куда-то торопится...

Присмотрелась она к нему, окликнула его:

— Братец, а братец! Остановись-ка... Остановился прохожий.

— Скажи-ка, братец, не ты ли будешь Барэкендан?

Смекнул прохожий, что у женщины в голове заклепки не хватает, и подумал: «Скажу-ка ей, что это я... Погляжу, что-из этого выйдет».

— Правильно, сестрица, я Барэкендан. Хочешь сказать мне что-либо?

— А хочу я сказать тебе, что не нанимались мы твое масло да твой рис хранить! Хватит с нас, что столько времени хранили... Стыда у тебя нет, что ли?! Почему не забираешь свое добро?

¹ Барэкендан — название армянского народного праздника проводов зимы (у русских — масленица. Пер.)

— Зря, сестрица, ты сердишься — я и пришел за своим добром: разыскивал ваш дом, все не находил...

— Ну, заходи же, забирай!

Зашел прохожий, забрал припасы, взвалил себе на спину, да как припустит по дороге — пятками к этому дому, лицом — к своему селу!.. Вернулся домой муж той женщины, а она ему говорит:

— Да, зашел сегодня Барэкендан твой. Всучила я ему, наконец, его добро!

— Какой барэкендан, что за добро?

— Да масло с рисом, что ты принес... Понимаешь, увидела я, как он по улице идет, наш дом ищет. Зазвала я его, отругала, заставила за брать рис да масло.

— Вай, да разрушится дом твой, безмозглая женщина! По какой дороге он ушел?

— В-о-о-н по той...

Вскочил муж на коня, поскакал догонять Барэкендана.

Идет Барэкендан по дороге, все оборачивается. Увидел, что скачет по дороге верховой и догадался — гонится за ним муж обманутой женщины.

Поравнялся с ним всадник и говорит:

— Добрый день, братец!

— Да будет он добрым для тебя!

— Не обогнал ли тебя недавно один человек?

— Обогнал.

— Нес он что-нибудь на спине?

— Как же, нес.

— А... вот его-то мне и надо! Давно ли это было?

— Да уж немало времени прошло.

— А догоню я его, если пущу коня вскачь?

— Где тебе его догнать?! Ты же на коне, а он — пеший... Пока твой конь четырьмя ногами переберет — раз... два... три., четыре... — тот человек на своих на двоих как засеменит: раз-два, раз-два! Сразу опередит тебя — только его и видели!..

— Что ж мне делать-то?

— Да только одно и остается: сойди с коня — я за ним присмотрю, — а сам беги за ним пешком, может, и догонишь.

Спешился муж дурехи, оставил коня у прохожего, а сам пустился пешим догонять вора. А Барэкендан подождал, пока он скрылся из виду, навьючил ношу на коня, вскочил на него и, свернув с дороги, принялся нахлестывать коня.

Бежит по дороге муж дурехи, бежит и, поняв, что не догнать ему вора, останавливается, идет назад. Возвращается и видит, что потерял и коня...

Вернулся он домой, и снова вспыхнула свара; муж корит жену за масло да рис, та его — за коня.

Так до сих пор и идет у них перебранка: муж жену честит дурехой, та его обзывает дурнем, а Барэкендан слушает да посмеивается.

Сказка о неудачнике Паносе

Жил некогда бедняк по имени Панос. Человек он был добрый, но за что ни возьмется — во всем ему неудача. Потому-то и прозвали его неудачником Паносом. Пара волов, телега да топор — вот и все его добро.

Запряг он однажды волов, взял топор и поехал в лес за дровами. В лесу Панос начинает размышлять.

«Ведь вот подрублю я дерево, а там все равно придется мучиться, поднимать его на телегу. Уж лучше подставить телегу под дерево, чтобы оно, как подрублю его, так в телегу и свалилось».

Сказано — сделано.

Запряженный воз ставит он под высокое дерево, сам заходит с другой стороны и давай рубить. Долго ли он возился тут, коротко ли, одному ему ведомо. Но вот дерево со скрипом повалилось, разбило телегу и задавило волов. Панос опешил. Как теперь быть? Берет он топор и, почесывая затылок, плетется домой.

По дороге, когда он шел мимо пруда, увидел — в воде полощутся дикие утки. И говорит он себе. «Черт с ним, не вышло там, попробую здесь: авось убью уточку да снесу жене». И с этими словами, размахнувшись, швыряет топор в утиную стаю. Но утки с криканьем взлетают, а топор идет ко дну.

Стоит Панос на берегу пруда и думает: как быть? Раздевается, одежду оставляет на берегу, а сам лезет в воду искать топор. Чем дальше, тем глубже: «Да этак, пожалуй, утонешь», — думает он и вылезает на берег.

И что бы вы думали? Покуда Панос разыскивал в воде топор, какой-то прохожий, увидя на берегу его одежду и не заметив хозяина, скрывшегося в камыше, подобрал ее и унес.

Вылез Панос из воды, а одежды нет. Стоит бедняга голый и думает: «О господи, куда теперь я денусь?» И решил подождать, пока стемнеет. На закате возвращается домой. Приближаясь к селу, он опять начинает размышлять:

«Ежели я, раздетый, покажусь домашним, что они скажут? Пойду-ка лучше к брату за одеждой, а там и к жене».

И сворачивает к брату.

А у брата в эту самую ночь была пирушка. Панос явился к нему в самый разгар веселья. Едва он открыл дверь, один из гостей, решив, что это собака, швырнул в него обглоданной костью и угодил прямо в глаз.

Бедняга, закричав от боли, отскочил, но тут на него накинулись со всех сторон собаки. На лай выскочили гости и видят: бежит голыш, а за ним собаки. И, недолго думая, решили: да никак это сам нечистый.

Долго гонялись за ним с шумом и криком, с воем и гоготом и за гнали его в лесную чащу, собаки же искушали бедняге ноги... Несчастный Панос, голый, кривой и хромой бежал и исчез...

На следующий день по селу пошла молва, что Панос-де пропал: поехал в лес за дровами и не вернулся. Пустились односельчане на розыски. Вскоре в лесу нашли разбитый воз и раздавленных волов, а Паноса и след простыл.

Спрашивают тут, спрашивают там и, наконец, находят его одежду у одного из крестьян.

— Братец, как могла эта одежда попасть к тебе?

— Да вот, братцы, так: валялась она на берегу пруда, взял и принес домой.

Приходят к пруду, ищут и кричат:

— Панос! Панос! Нет Паноса.

Тут решают: Панос утопился.

Заказывают панихиду и устраивают поминки. А жена его, немного поплавав, погоревав, вышла замуж за другого.

Братец-топор

Отправился однажды мастеровой в далекие края на заработки. Попал он в село. Смотрит — а люди в этом селе дрова руками разламывают.

— Слушайте, — сказал он, — что же вы руками дрова ломаете, неужто у вас топора нет?

— Топор — это что такое? — спросили крестьяне.

Достал мастеровой свой топор из-за пояса, топором этим дров наколот, в сторонку сложил. Увидели такое крестьяне — побежали по селу, стали кричать друг другу:

— Эй, подите-поглядите, что там братец-топор выделяет!

Сбежались крестьяне со всего села, окружили мастерового, упростили-уговорили, добра всякого надавали и топор забрали.

Взяли себе топор, чтобы по очереди колоть дрова.

В первый день топор староста взял. Только он топором размахнулся — ногу себе поранил. Увидел такое — побежал по селу:

— Идите! Глядите! Братец-топор с ума сошел — дерется!

Крестьяне сбежались, схватили по палке, давай по топору дубасить. Лупили они топор, лупцевали — видят, ничего топору не делается. Сложили дубинки — подпалили топор.

Пламя поднялось, на все четыре стороны раздалось. Когда огонь улегся, крестьяне пришли, разгребли золу — смотрят, топорище сгорело, а топор раскраснелся, весь пунцовый стал.

Заорали тогда все:

— Эй, смотрите, братец-топор рассердился, глядите, красный какой, — еще беду накличет, — что ж делать?!

Подумали-поразмыслили — решили топор в тюрьму засадить. И закинули топор в сенник. Сенник был полон сена. Сено тут же загорелось — пламя в небо поднялось.

Крестьяне всполошились, бросились за хозяином топора:

— Иди, — кричат, — скорей иди, образумь свой топор!

Хозяин и работник

Да будет бог милостив и к вам, и к двум братьям, о которых сказ пойдет.

Жили-были два брата бедняка.

Задумались они однажды, стали голову ломать — чем бы таким заняться, чтобы семью прокормить. И решили: младшему брату оставаться при хозяйстве, старшему — в работники к богачам идти и что заработает — домой отсылать.

Так и сделали.

Младший брат остался дома.

Старший подрядился к богачу работать, до весны, до первого кукушкиного крика.

Одно только смутило старшего брата: неслыханное условие поставил богач: «Если, — сказал он, — рассердишься хоть раз за это время — платишь мне тысячу рублей. Если я рассержусь — я плачу».

— Где же это я тысячу рублей возьму? — засомневался старший брат.

— А ты вместо этого десять лет даром на меня поработаешь, — предложил богач.

Парень поначалу испугался необычного уговора, потом подумал: не стану я сердиться ни на что — и все тут, а ежели богач рассердится — пусть на себя пеняет, сам ставил условие.

Согласился старший брат, стал работником у богача. На следующее утро, чуть свет, хозяин поднимает работника — отправляет его в поле.

— Иди, — говорит, — коси, покуда светло. Стемнеет — вернешься.

Работник уходит, целый день на хозяйском поле косит и вечером, усталый, возвращается домой.

Хозяин выходит ему навстречу:

— Ты зачем это вернулся? — спрашивает.

— А солнце ведь зашло.

— Нет, так не пойдет. Я тебе что сказал — коси пока светло. Солнце-то, верно, зашло, но гляди: его братец-месяц на небе, чем он хуже светит?

— Это как же? — удивляется работник.

— Что, уже сердишься? — спрашивает хозяин.

— Не сержусь, говорю только, что устал, передохну вот малость... — стал заикаться перепуганный работник и возвратился на поле.

Всю ночь косит он на хозяйском поле — пока месяц с неба не скрывается. Но только месяц заходит — солнце тут как тут — заступает на его место. Работник без сил валится на землю.

— Пропади пропадом твое поле! — кричит он в сердцах. — И хлеб, которым кормишь! И заработок, который даешь!

— А ты сердишься, я вижу, — словно из-под земли вырастает хозяин. — А раз сердишься — напоминаю тебе про уговор, чтоб не говорил, что незаконно с тобой обошлись.

И требует, чтобы работник уплатил, согласно уговору, тысячу рублей или же работал на него десять лет даром.

Работник приходит в отчаяние — денег нет, чтобы отдать и душу освободить, а отслужить у такого человека — дело не из легких. Думает он, думает, под конец дает богачу расписку на тысячу рублей и пригорюнившись возвращается с пустыми руками домой.

— Ну, рассказывай, — говорит младший брат, — где был, что делал.

И старший садится и все, как было, рассказывает без утайки.

— Ничего, — говорит младший брат, — не горюй. Теперь ты оставайся дома, а я пойду поработаю.

Приходит младший брат — нанимается работать к тому же богачу.

Богач ставит свое условие: ежели работник рассердится до весны, до первого кукушкиного крика — платит тысячу рублей или же десять лет бесплатно на него работает, а ежели он, богач, рассердится — платит он работнику тысячу рублей и отпускает его на все четыре стороны.

— Мало, — говорит младший брат, — ежели ты рассердишься — ты две тысячи платишь, рассержусь я — плачу две тысячи я. Или же работаю на тебя двадцать лет даром.

— Согласен, — радуется богач.

И вот уже младший брат — работник у богача.

Наступает утро, занимается заря, а новый работник и не думает вставать.

Хозяин то и дело заходит — смотрит: спит работник крепким сном.

— Эй, парень! Вставай, время к обеду идет! Эй!

— Уж не сердись ли ты? — поднимает голову работник.

— Вовсе не сержусь, — пугается хозяин, — говорю только: в поле бы пойти, покосить немного...

— А, ну ежели так, сейчас оденемся и пойдем, спешить нам не куда.

И начинает не спеша надевать постолы. Хозяин то и дело заходит — смотрит; работник все с постолом возится.

— Скоро ты свои постолы наденешь?!

— Сердишься вроде? — спрашивает работник.

— Что ты, что ты... Я только хотел сказать, как бы нам в поле не опоздать...

— А, ну это дело другое, а то ведь уговор.

И пока работник надевает постолы, да пока они с хозяином на поле приходят, время и впрямь к обеду идет.

— Кто же в такое время работает, — говорит работник, — смотри, все люди обедают, надо и нам подкрепиться, там уж и за работу можно...

Садятся, обедают.

После обеда работник говорит: «Люди мы работающие, после обеда передохнуть не мешает — верно?» — и, зарывшись лицом в траву, спит до вечера.

— Вставай, стемнело уже! — вопит разъяренный хозяин. — Все давно со своих полей домой ушли, одно наше поле осталось. Да кто же это тебя ко мне послал! Чтоб тому шею переломило! Будь проклят твой хлеб! Подавись своей работой!

— Ты как будто сердишься, — потягиваясь, садится работник.

— Кто сердится — я говорю, стемнело, домой пора.

— А, ну это ничего, а то ведь уговор — беда тому, кто рассердится...

Приходят они домой. А дома — гости.

Посылает хозяин работника — поди, говорит, овцу зарежь.

— Какую? — спрашивает работник.

— Какая попадётся.

Работник уходит.

Немного погодя прибегают к богачу: беги, говорят, ступай скорее, работник твой все стадо перебил... Прибегает богач, видит — и правда — сколько у него овец было — все перебиты. Хватается за голову:

— Что ж ты наделал, — кричит, — бессовестный! Чтоб тебе без крова остаться, мой-то дом зачем разоряешь?!

— Ты сам мне сказал, какая овца попадетсЯ, ту и прирежь. А они мне все разом попались. Я прирезал. Что же я не так сделал? — спокойно отвечает работник.

— Но ты сердишься, я вижу...

— Я не сержусь, мне жалко — столько добра погибло...

— А, ну ежели не сердишься, продолжаю у тебя работать.

Богач думает, как бы ему от этого работника избавиться, нанялся ведь он до весны, до первого кукушкиного крика, а зима еще только-только наступает, сколько до весны еще времени.

Думает богач, думает, и так прикидывает, и этак — и вот что придумывает.

Ведет свою жену в лес, сажает на дерево и велит кукушкой кричать. А сам к работнику: идём, говорит, в лес, поохотимся. Только они в лес заходят — жена богача начинает кричать кукушкой.

— О, поздравляю тебя! — говорит работнику хозяин. — Вот и кукушка прокуковала, время твое, значит, истекло...

Парень обо всем догадывается.

— Нет, — говорит он, — кто же видел, чтобы среди зимы кукушка куковала. Сейчас я эту кукушку убью.

Говорит и ружье берет.

Хозяин с воплями бросается к нему.

— Бога ради, — кричит, — не убивай! В черный день ты ко мне пришел! Это что за несчастье мне выпало!

— Ну, что, ты сердишься вроде?..

— Сержусь, брат! С меня будет! Давай я тебе штраф уплачу, давай избавлюсь от тебя. Мое было условие — мне и расплачиваться. Теперь только уразумел; «Не рой яму другому, сам попадешь».

Богачу наука. А младший брат порвал долговую бумажку старшего брата, взял тысячу рублей и вернулся домой.